

СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Методологической основой исследования являются развиваемые автором концепции культурного и политического ландшафта, изложенные в ряде работ (см. ниже). «Очеловеченный» (human) ландшафт в самом общем виде понимается как целостный комплекс, включающий в себя природную (физико-географическую) основу, визуальную структуру («пейзаж») и культурное (духовное, информационное) наполнение.

Культурный ландшафт является важнейшей основой идентичности. Очевидно, что культурный ландшафт крайне неоднороден, мозаичен, и территория политического сообщества — государства представляет собой сложную, многоуровневую систему культурных ландшафтов. Не впадая в «ландшафтный детерминизм», тем не менее, можно сказать, что культурный ландшафт «питает» («кормит», по Л. Гумилеву) и стимулирует развитие идентичности. Ведь сознание культурных групп формируется в определенном культурном ландшафте (в указанном выше понимании) и под его влиянием (кроме того, выполняя инновационную функцию, культурные группы привносят в ландшафт что-то новое, трансформируют его, подготавливая для следующих поколений обновленную основу). Его мозаичность означает, что идентичность тоже неоднородна, что она имеет географическое измерение, привязана к сетке (системе) культурных ландшафтов.

Таким образом мы выходим на проблему региональной идентичности. Этот феномен находится в сложном отношении к национальной (или общегосударственной, что, впрочем, не всегда корректно) идентичности. В чем-то он ее дополняет, когда два типа идентичности мирно сосуществуют в сознании жителей определенной местности. Тогда, используя термин Л. Гумилева, можно говорить о комплиментарности общенациональной и региональной идентичности. В чем-то региональная идентичность расходится с общенациональной (например, в случае этнокультурных меньшинств) и при явном отсутствии комплиментарности может ей противостоять, вступая в конфликт.

На уровне гуманитарно-географической теории культурный ландшафт может считаться первостепенной основой региональной идентичности. Однако «чистое» соответствие культурного ландшафта и региональной идентичности невозможно. Дело в том, что идентичность — это явление не столько культурное, сколько культурно-политическое,

она напрямую связана с политической организацией (и самоорганизацией) территории. Это значит, что политические факторы оказывают свое воздействие на трансформацию «изначальной» идентичности, имеющей культурно-историческое происхождение.

На самом деле значение политических факторов настолько велико, что считать их «отклоняющими» и «дополняющими» нельзя. Как природные, так и политические барьеры продолжают детерминировать две сообщающихся системы — культурных ландшафтов и региональной идентичности. Разница, пожалуй, состоит в том, что природные барьеры в прошлом играли большую роль, а политические границы скорее «подстраивались» под них, оказываясь с известными оговорками «вторичными». С развитием национализма и его производной в виде регионализма государство (а в ряде случаев и региональные власти, где они достаточно автономны) стремятся использовать созданные ими политико-географические рамки как критерий идентичности, ассимилируя всех, кто, проживая на территории данной политико-административной единицы, имеет иную «примордиальную» идентичность.

Итак, проблема идентичности, безусловно, имеет политическое измерение. Одной из форм культурного ландшафта выступает политический ландшафт, который помимо прочего включает в себя политико-идеологические ориентации населения (которые можно исследовать методами социологии и электоральной географии) и политико-административную карту. Поэтому при анализе региональной идентичности необходимо параллельно рассматривать специфику культурного и политического ландшафта. Вопрос об их соотношении требует отдельной методологической проработки, но ясно, что для целей нашего исследования они должны рассматриваться в комплексе.

Основываясь на предлагаемой методологии, необходимо выделить несколько исследовательских направлений:

1. Культурно-ландшафтная основа данного государства (или любой другой территории) и ее влияние на формирование идентичности. Здесь рассматриваются формы идентичности, прямо восходящие к системе культурных ландшафтов или, проще говоря, к историко-культурной карте страны, рассматриваемой нами через призму ландшафтного подхода.
2. Официальная региональная идентичность, имеющая в своей основе политико-административную карту — «несущую» структуру политического ландшафта. Важно понять, как и насколько она культивируется политическими субъектами (и какими), и какое место занимает в региональной идентичности как таковой.
3. Обыденная идентичность как система обыденных названий местностей и самоназваний местных жителей. Она представляет собой форму и способ восприятия региональной

идентичности на уровне массового сознания. Ее соотношение с культурно-ландшафтной основой и официальными формами идентичности представляет собой отдельную научную проблему и зависит от особенностей исторической памяти и образования, территориальной мобильности населения и т.д.

4. Своеобразной формой «обратной связи» населения с культурным ландшафтом является ментальный ландшафт, представляющий собой совокупность бытующих представлений об идеальном, типичном ландшафте данного региона (ландшафт как региональный символ и гордость). Эти представления становятся неотъемлемой составной частью идентичности.

Применительно к любому государству, в т.ч. к России важно понять местную специфику (сравнительно с другими государствами) и соотношение всех типов региональной идентичности. Насколько сохранилась и в какой степени размыта традиционная культурно-ландшафтная основа, которая складывалась веками, но в XX веке претерпела мощную трансформацию? Действительно ли в России политико-административные рамки создают идентичность, и население послушно откликается на передел административных границ сменой своей идентичности? И если так, то насколько административные границы «естественны» с точки зрения культурного ландшафта и не влекут ли они за собой конфликт культурной и официальной идентичности? Каково соотношение «естественной» (т.е. складывавшейся за счет долгосрочных культурно-исторических и отчасти природных факторов) и «навязанной» политической волей государства идентичности? Размыта ли, «аспатиальна» обыденная региональная идентичность в России? Все эти вопросы требуют специального изучения.

Само по себе полноценное исследование региональной идентичности в России требует проведения специальных полевых исследований, масштабы которых далеко превосходят рамки данного проекта. Для нас важно определить «первое приближение» в этом вопросе, используя результаты имеющихся в наличии у автора собственных полевых исследований, опубликованные (или предоставленные автору) данные социологических исследований, а также анализ современных политических и культурных процессов в российских регионах. В последнем случае главное внимание будет уделено внешним признакам проявления региональной идентичности в виде самоидентификации (используемой в СМИ), символики (официальные символы регионов, старые и новые культурные символы — памятники и иные полюса культурного ландшафта), региональных партий и общественно-политических движений, культурных обществ с их программами и другим формам регионализма.

Применительно к России исходной задачей исследования является анализ культурно-ландшафтной основы российской территории, т. е. определение системы культурных ландшафтов, представленных в политических границах современной России. В значительной степени эта задача решена автором в монографии «Культурные ландшафты России», где при районировании акцент был сделан на традиционной (исторической) основе и территориях с преимущественно русским населением. Предполагается представить эту основу в более упрощенном виде (с учетом «детрадиционализации» и размывания культурных границ в современной России) и в то же время с учетом этнической карты, а также привлечь к рассмотрению иные варианты культурно-ландшафтного районирования (Ю. Веденин и др.).

Таким путем можно определить относительно точное, «общепризнанное» представление о культурно-ландшафтной основе нынешней России. Далее важно оценить, насколько она проявляется в современной региональной идентичности.

Особое значение для России имеет изучение государства как фактора идентичности (государства в полном смысле этого слова, т. е. не просто «центра», но и регионов). Принято считать, что в нашей стране именно государство и «созданные» им регионы — административные единицы служат главной основой для идентичности. В нынешних условиях развитие федерализма и особенно процесс спонтанной суверенизации территорий на рубеже 1980–90-х гг. усилили и по-своему оформили влияние этого фактора. Главным «мотором» процесса стала региональная власть, получившая новую легитимность. Субъекты федерации активно заняты культивированием собственной идентичности, сочетающей различные этнические, исторические и природно-географические основания. Создаются официальные символы этого типа идентичности — флаги, гербы и в ряде случаев гимны регионов. В этой связи важно понять не только, как развивается этот интересный процесс, но и как он соотносится с «изначальными» физико- и культурно-географическими структурами идентичности — изменяет, дополняет, замещает и т.п. Нужно определить, возможна ли какая-то типология соотношения между культурно-ландшафтной основой и административной картой России (и что важнее для населения). И в этой связи, например, насколько адекватны популярные инициативы по укрупнению регионов и связанный с ними «передел» официальной идентичности (в т. ч. в связи с созданием федеральных округов).

Интересна тема уровней официальной идентичности в России, которая имеет «матрешечную» форму. С одной стороны создаются «надрегиональные» образования — федеральные округа и — за счет региональной самоорганизации — межрегиональные ассоциации (да и «советские» экономические районы имели близкую функцию). С другой

стороны есть уровень административных районов и населенных пунктов (муниципальных образований), где существует и оформляется на уровне символов своя идентичность. Создание института всенародно выборной региональной и муниципальной власти стимулировало процесс артикуляции региональной идентичности всех уровней.

Наиболее сложный вопрос, на который невозможно получить быстрый и прямой ответ, — обыденные и ментальные формы региональной идентичности в России. Их изучение требует социологических исследований, которых пока немного. В рамках данной работы возможно определение этих форм с помощью анализа «структур повседневности», не связанных напрямую с официальными политическими формами. Установить, насколько та или иная форма идентичности, является обыденной, т.е. реально значимой для «простого большинства», очень сложно. Возможно лишь изучение этой ситуации по внешним признакам, условно трактуемым как «народная инициатива» (тексты СМИ, программы общественных движений, общепотребительные названия и др.).

В результате предполагается дать ответ на вопрос о соотношении типов региональной идентичности в России и их связи с мозаикой культурных ландшафтов (но, учитывая сложность и слабую изученность темы, часть выводов останется на уровне постановки проблемы). Важно понять, насколько официальные и обыденные формы региональной идентичности соответствуют культурно-ландшафтной карте России и как они соотносятся друг с другом. Таким путем можно определить типологию отношений в треугольнике «культурный ландшафт — официальная идентичность — обыденная (и связанная с нею ментальная) идентичность».

Другой срез данной проблемы — уровни идентичности. Сама по себе региональная идентичность — это тоже географический уровень на ступеньку ниже общенациональной идентичности (которая, в свою очередь, вписана в общемировую таксономию идентичностей). Важно хотя бы в первом приближении определить соотношение уровней региональной идентичности в России. Здесь и вопрос об отношении региональной идентичности в целом к общенациональной, поскольку от его состояния зависит баланс центробежных и центростремительных сил. Интересен и вопрос о внутренней структуре региональной идентичности в нашей стране и роли политических факторов в ее усложнении.

В процессе исследования автор планирует опираться на следующие свои разработки:

- Политический ландшафт как категория политического анализа //Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995, №3, с. 33–44.
- Культурные ландшафты России. – М., ИКиПН, 1998.
- Региональная идентичность в современной России //Российское общество: становление демократических ценностей? – М., Гендальф, 1999, с. 87–136.